

ГИБЕЛЬ «СТАРШЕГО ТЕМИРГОЕВСКОГО КНЯЗЯ» ДЖАМБУЛАТА БОЛОТОВОКА ВОЗЛЕ КРЕПОСТИ ПРОЧНЫЙ ОКОП В ОКТЯБРЕ 1836 ГОДА.

Скиба К.В.

Скиба Константин Викторович, 352900, г. Армавир,
Эл. почта: kv-220-85@mail.ru

В данной статье предпринята попытка расследования обстоятельств гибели темиргоевского князя Джамбулата Болотокова, который управлял «княжеством Темиргой» в 1830-1836 годах и погиб в октябре 1836 года возле крепости Прочный Окоп, одного из опорных центров Кубанской кордонной Линии.

Обозначен статус княжеской фамилии Болотоковых в среде западных адыгов, упомянуто личное положение князя Джамбулата – мастера набеговой войны, наиболее известного и влиятельного черкесского князя эпохи 1820-х годов.

Высказана причина того, почему эта яркая историческая личность времен Кавказской войны XIX века слабо пропагандируется в современном черкесском информационном поле.

В конечном результате обозначены все доводы «за» и «против» нескольких версий убийства князя: или генералом Зассом, или его родственником Шеретлуком Болотоковым, или «сторонниками священного газавата».

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Кавказская война, Кубанская Линия, «аристократические» черкесские племена, темиргоевцы, князь Джамбулат Болотоков, линейные казаки, генерал Г. Х. Засс.

Князь Джамбулат Болотоков. Знаменитый наездник, «черкесский лис», «гроза Кубанской Линии», «главный владелец» племени темиргоевцев в 1831-1836 годах, наиболее известный представитель самого богатого и знатного рода среди черкесских «аристократических» племен.

По мнению К.Ф. Сталя «князь Джамбулат, сын Айтека Болотоко, имел огромное влияние на Закубанский край. Он был славен своею храбростью, сильным характером и крутой волей.

Это был последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей. Род Болотоко высоко уважается за Кубанью, ни одна княжеская фамилия не имеет такого веса и значения».

В другой части своей работы, К. Ф. Сталь, перечисляя знаменитых закубанских наездников «последнего 20-летия» – беглый кабардинский князь Магомет-Аш Атажукин, бесленеевский князь Айтек Кануков, абадзех Али Харцизов (Али-Хырсыз), – упомянул «Джамбулата Болотокова, князя темиргоевского» на первом месте (Сталь, 1900, стр. 124-125).

Известный историк, «Нестор Кавказской войны» В. А. Потто писал о нем так: «Джембулат¹...вождь первенствующего племени (темиргоевцев – К.С.) и...человек, заявивший себя отвагой, находчивостью и распорядительностью.

Джембулат был достойным потомком своего прапрадеда Инала. С неустранимостью он соединял необыкновенный дар красноречия, проницательный ум, железную волю, скрытность и замкнутость азиата.

Суровый в общении, даже мстительный, он мог быть при случае и великодушен. Про него ходили целые легенды, и народные барды славили его подвиги в своих песнях» (Потто, 1994, стр. 293).

Имя, полученное им при рождении, было производным от двух персидско-тюркских слов. «Джам» («джамаг») – «боевой топор» и «булат» («болат», «болот») – «сталь». Следовательно, имя Джамбулат можно перевести как «стальной боевой топор» (Казиев, Карпеев, 2003, стр. 231).

А если учесть, что княжеская фамилия Болотоковых образовалась от тюркского собственного мужского имени «Болат (Булат)» («сталь»), к которому было добавлено адыгейское фамильное окончание «кью», то есть «сын», то тогда Болотоковы – это «сыновья стали», а князь Джамбулат – человек «двойной стальной закалки» (Эпиграфические памятники..., стр. 161).

И, действительно, продолжительную и насыщенную яркими событиями жизнь князя Джамбулата можно сравнить с широким и мощным взмахом этого боевого оружия...

Когда и где родился Джамбулат Болотоков, как прошла первая половина его жизни мы пока не знаем. На страницы доступных нам исторических источников он попал в 1820-е годы уже в зрелом возрасте.

Исключение может составлять лишь вопрос его воспитания – юный князь Джамбулат воспитывался у нескольких аталыков.

Откуда мы это знаем? Потому что через такую же схему прошел его сын Аслан-бек. Его первым аталыком был кабардинец Куденетов, «приближенный друг Джамбулата», вторым, «по добровольному согласию князя и Куденетова» – абадзехский старшина Аджи Аджимоков, третьим – «шапсугский дворянин» (на самом деле убых – К.С.) Хаджи Берзек, который, в свое время, был аталыком самого Джамбулата.

Берзек, чтобы стать аталыком Аслан-бека, украл его у Аджимокова, что привело к «кровавой вражде между ними». В конце концов, народный суд вернул молодого князя Аджимокову, но с условием, что через несколько лет он будет передан на воспитание Берзеку. Так и произошло, у него Аслан-бек «закончил свое воспитание».

¹ В различных документах имя князя писалось и произносилось по-разному – Джамбулат, Джембулат, Джамбот, Дянболет и др.

Важный факт – в случае с очень знатными и родовитыми воспитанниками, каким был Джембулат Болотоков, не только сам аталык, а все его племя считало себя коллективным воспитателем князя. «Коллективными аталыками» Джембулата были племена абадзехов и убыхов «на том основании, что его воспитателями были их единоплеменники» (Волкова, 1989, стр. 189; Сталь, 1900, стр. 115-116; Торнау, 2008, стр. 303).

Еще один, не менее важный факт, – кавказское аталычество, кроме воспитания из юноши «молодого бойца» подальше от родительской ласки, могло выступать как примиряющий фактор в межплеменных и личных конфликтах. Так было и в жизни нашего героя – когда «Джембулат Болотоков убил в деле Керкенова, гатукаевского князя, то при примирении взял к себе на воспитание его сына Темиргоя Керкенова» (Сталь, 1900, стр. 119).

Но, к сожалению, жизненный путь и историческая судьба нашего героя слабо пропагандируется в современном черкесском информационном поле, где приоритет отдается таким личностям как шапсуг Казбич Шеретлуков (Шеретлук Тугужоко Кизбеч, «Лев Черкесии») и убых Хаджи Берзек (Догомуко Керендуко Берзек).

Но почему так? Ведь Джембулат Болотоков – воин более высокого класса, чем они. Его полководческий талант был невероятно многогранен.

Этот темиргоевский князь «небольшого роста, широкогрудый, с оселедцем за ухом (отличительный признак почетнейших гостей адиге)» (Новицкий, 1878, стр. 292), был мастером классической черкесской набеговой войны.

Равных ему воинов не было на всем Западном Кавказе; он организовал и возглавил самые громкие и результативные набеги на Кубанскую Линию в 1823-1829 годах.

Причина такого положения – «неудобность» жизненной биографии князя Болотокова для национальных историков из Майкопа – пропагандистов столетней «русско-черкесской войны» и «геноцида черкесов».

В 1823 году князь Джембулат изменил традиционной пророссийской ориентации темиргоевских князей, пошел против воли «старшего князя» – своего двоюродного брата Мишеоста Болотокова, вступился за своих единоплеменников – «беглых кабардинцев» и начал сражаться против России. Но в 1831 году он прекратил свою борьбу, заключил мир с российским командованием и принес присягу на верность, поняв всю бесперспективность и пагубность этой войны для своего народа (Скиба, 2011, стр. 276-284).

В дальнейшем жизнь не раз испытывала на прочность его верноподданническую присягу. Так весной 1831 года, когда в среде закубанских племен стала зарождаться «идея всеобщего газавата против русских», «скопище» из 300 абадзехов явилось к аулам Джамбулата и «решительно потребовало от него отстать от России» под угрозой уничтожения его аулов.

Джамбулат послал нарочных за помощью к своим родственникам – князьям Татлостану и Шеретлуку Болотоковым, а сам вступил с абадзехами в переговоры, в ходе которых отверг их предложение.

Свой ответ он сопровождал такими словами – «...Из всех вас, предлагающих мне отклониться от России, никто не был вернее меня турецкому правительству, когда земля черкесов составляла санджак султана; но теперь я и вы принадлежите России, буду верен ей, как был верен прежде Порте. Напрасно думаете, вы, что нашли во мне человека робкого и готового повиноваться всякому; если надеетесь принудить меня к сему, то попробуйте на меня напасть» (АКАК, 1878, стр. 909-910).

Еще один примечательный случай произошел в последний год жизни князя, когда на лето 1836 года готовилось «тайное обозрение Черноморского побережья от Сочи до Геленджика», порученное штабс-капитану Федору Торнау.

Этот российский офицер в 1835 году уже совершил два подобных путешествия: из Абхазии до станицы Баталпашинской и из крепости Прочный Окоп до укрепления Гагры.

Свои тайные разведки по Закубанью Торнау проводил с помощью ногайского князя-абрека Тембулата Карамурзина, который получил за это от правительства «грамоту, возвращающую ему титул, земли и имение».

Ногайский князь, после наград от правительства, уже не мог быть проводником для Торнау, но принял участие в предстоящем деле тем, что «склонил своего приятеля кемиргоевского владельца Джамбулата Айтеки оказывать содействие Торнау в его намерениях» (Торнау, 2008, стр. 325).

Темиргоевский князь дал на это свое согласие, но начальство Федора Торнау, в «самых лестных выражениях», предложило ему предпринять свое новое путешествие к черкесскому берегу с проводниками, которые предложил ему генерал Г. Х. Засс.

Он дал ему в проводники «кабардинских абреков, князя Аслан-Гирея Хамурзина, хаджи Джансеида и Аслан-бека Тамбиева».

Таким образом, вместо людей князя Болотокова, генерал Засс, как выяснилось впоследствии, «беззащитно отдал» русского офицера в руки «самых отъявленных разбойников» (Торнау, 2008, стр. 439).

Но, впрочем, вернемся к основной теме нашей статьи – гибели Джамбулата Болотокова в октябре 1836 года возле крепости Прочный

Окоп, тем более что она, в отличие от жизни князя, активно пропагандируется в современном черкесском информационном поле.

Причина тому – практически стопроцентная уверенность большинства адыгских историков в том, что его смерть – дело рук «хромого белого шайтана», начальника Кубанской кордонной Линии генерала Г. Х. Засса.

Так ли это? Попробуем разобраться, но, для начала, расскажем о том, как «погиб» обычай благородного черкесского наездничества.

В своих «Записках о Черкесии...» (1836 г.) Султан Хан-Гирей утверждал, что «...разбой и отважные похищения, по нынешнему образу мыслей черкес, хотя и превозносятся в смысле молодечества, но украсть у ближнего или у соседа почитается у них за величайший стыд, и посягающие на подобные поступки подвергаются народному презрению.

В прежние же времена, совершившего такое воровство, изгоняли из родины или со связанными руками бросали вводу и топили (чему неоднократно были примеры), и потому таких изгнанников обыкновенно называли «псьхадце» (психадзе), в том смысле, что их должно было бросить в воду и утопить, как презренных преступников» (Хан-Гирей, 1978, стр.328).

Но уже в «Черкесских преданиях...» (1839 г.) Хан-Гирей с горечью отмечал, что благородный обычай наездничества превратился «в разбойничество...наездник покраснел бы от мысли украсть у соседа лошадь, изменить слову, его цель – слава, отвага, теперешнее разбойничество не знает стыда, его цель – корысть» (Хан-Гирей, 1989, стр. 33).

В 1836 году князь Болотоков, «родовитый и независимый владелец, не признававшим ничьей власти» (Щербина, 2010, стр. 10), познакомился с «новым черкесским разбойничеством» при следующих обстоятельствах.

По свидетельству Ф. А. Щербины, темиргоевский князь Болотоков «отличался непреклонным характером и поддерживал самые строгие порядки в своих владениях. У него, рассказывали армянские (черкесогайские – К.С.) старики, не было никаких шалостей и воровства и жилось всем спокойно.

Даже утерянные вещи были разыскиваемы и возвращались их владельцам. Оброненный в лесу ножик – и тот находили, по приказанию князя, его люди.

И вот, под покровительством такого князя находился армянский аул Гяурхабль, расположенный близ аула самого Болотокова. Между армянами и Болотоковым существовали самые близкие и дружеские отношения.

Дело в том, что армяне Гяурхабля считали себя аталыками князя, так как в их ауле жил аталык Джамбулата Болотокова – Джагупов, вскормивший и воспитавший князя.

По горскому обычаю «и весь аул, как чисто родовая организация, находился также в аталыческих отношениях к князю.

Каждое утро князь Болотоков, сделав намаз и позавтракав, верхом на лошади объезжал свои владения, чтобы лично убедиться, не произошло ли где каких либо беспорядков или несчастных случаев.

Свой объезд он начинал с Гяурхабля и осведомлялся здесь о здоровье своих аталыков. Раз как-то утром, посетив гяурхабльских стариков, Болотоков увидел, что старик Паносов вертелся у загородки с высоким, утыканным колючкой плетнем, который придавал ему вид своего рода крепости. В этой загородке Паносов откармливал корову для убоя на мясо.

– Что ты это там делаешь? – спросил Болотоков старика.

– А вот посмотри князь, сам, что тут у меня случилось – отвечал ему озабоченно Паносов.

Князь зашел в загородку и увидел там зарезанную корову, у которой было отрезано полтуши мяса. Воры, которые не могли проникнуть в загородку через высокий и колючий плетень, подрезали его снизу и, подкопавшись здесь, утащили половину зарезанной коровы.

Это был небывалый случай домашнего воровства во владениях Болотокова, сильно возмутивший его.

Мрачно осмотрел суровый князь следы проделки воров, покачал головой и обратился к Паносову с такими словами:

– Это кто-то из наших, но это не просто воры и гяуры, а хуже всякого гяура, гяуры меж гяурами. Тут нам не жить с тобой старик – сказал князь, махнул рукой, сел на лошадь и уехал дальше по своим владениям.

Князь Болотоков решил поучить уму-разуму своих воров и тех, кто потворствовал им. Его рассердили домашние хищники, не побоявшиеся князя и нарушившие установленные им порядки.

Желая наказать подвластных ему черкесов, пользовавшихся удобствами спокойной жизни в его владениях, он решил перейти на новое место без них.

Забрав с собой только близких ему людей, своих крестьян и население армянского аула Гяур-хабль, Болотоков переселился с правого берега реки Белой к устью реки Лабы (Щербина, 2010, стр. 10-11).

Но для чего мы упомянули это случай с зарезанной коровой?

И при чем тут последующая гибель князя?

Чтобы показать, что времена, когда авторитет князя Болотокова среди западных адыгов был очень высок, прошли. Влияние «знаменитого

наездника» на умы единоплеменников уже мало чего стоило, теперь его враги могли «поднять свою голову» и свести с ним свои счета...

Упомянутое нами «переселение произошло в 1836 году¹ и армяне прожили на новом месте два года», вплоть до убийства князя Болотокова, об обстоятельствах которого есть несколько версий.

Версия №1. Наиболее известная из всех. Была приведена Ф. А. Щербиной в своей работе «История Армавира и черкесогаев» (Екатеринодар, 1916): «Как-то сказали ему (Джамбулату – К.С.), что, в видах сохранения добрых отношений, генерал Засс желал бы определить границы его владений как ближайшего к русским соседа, то Болотоков ядовито заметил:

«Что там выдумал этот русский генерал, которого родила женщина без штанов? Какая у меня граница? Я – сын солнца и луны, т.е. произошел от столь чистой родительской крови, что родители мои могут быть уподоблены только солнцу и луне, – и владения моих предков простирались по Кубани, от реки Лабы до Черного моря. Граница этим владениям одна – Кубань. По одну ее сторону мои земли, по другую – русские. Все должны знать это».

И никакими доводами не удалось убедить князя Болотокова «войти в соглашение насчет границ с генералом Зассом» (Щербина, 2010, стр. 11).

Через какое-то время «князь Джамбулат Болотоков был предательски убит из засады неизвестными убийцами в лесу по правую сторону Кубани, против впадения в нее р. Уруп.

Убийство Болотокова случилось при обстоятельствах, заставлявших армавирских армян предполагать, что оно совершено было не без участия генерала Засса, к которому в Прочный Окоп ездил Болотоков, чтобы оправдаться от обвинений в неблагонадежности, возведенных на него лазутчиками.

Когда, после трехдневного пребывания в Прочноокопской крепости, Болотоков проезжал по высокому правому берегу Кубани у леса, то скрывавшаяся здесь засада пустила в князя град пуль, одною из которых он и был сражен.

Говорят, что Болотоков, умирая, назвал имя одного замечательного стрелка ногойца, который только и мог убить его на далеком расстоянии от леса и который служил у Засса.

По другим рассказам, Джамбулата Болотокова убили прочноокопские казаки, так как один из них, отличавшийся, впрочем, бахвальством, хвастался, что смерть черкесского князя была делом его рук» (Щербина, 2010, стр. 11-12).

¹ Судя по тому, что Ф. А. Щербина ошибочно «убивает» князя в 1838 году, данные события, произошедшие за два года до смерти Болотокова, могли иметь место в 1834 году.

В последующие годы место на высоком правом берегу р. Кубани, против впадения в нее р. Урупа, армавирские армяне назвали «Болэтокъом иаджал чЫпІэ» (адыг.) – буквальный перевод этого топонима – «Болотокова, его смертного часа место» (Аракелов, 2004, стр. 30).

Наш комментарий к «версии №1» – она самая удаленная по времени от самих событий и, значит, испытавшая на себе максимальную степень мифологизации. На это указывают фразы «армяне предполагают», «люди говорят», «по другим рассказам» и т.д.

Вторая версия об обстоятельствах гибели Джамбулата Болотокова была изложена генералом Мусой Кундуховым в своих мемуарах:

«На Кавказе всем известный темиргоевский князь Джанболат Айтеков

принадлежал к числу тех людей, которые, по пленительной своей наружности и благородным свойствам души, привязывают к себе сердца других. Все закубанские разнородные племена одинаково любили и уважали его. Матери детям своим, племена своим князьям ставили в пример его мужество и благородство, называя его любимцем народа.

В то время (1835 год), к несчастью для этого князя, начальником Кубанской Линии был генерал-майор Засс¹, человек красивой наружности и краснобай с необыкновенно длинными усами, но в глубине его скрывалась черно-дьявольская душа.

Коварный Засс этот, узнавши, что душа Джанболата недоступна низкой хитрости, ловкими мерами сумел подготовить его к изъятию покорности русскому правительству, о чем и донес бывшему начальнику Кавказской области генералу Вельяминову.

Начальник области, хорошо понимавший важность перехода Айтекова от непокорных абадзехов на русскую сторону, немедленно двинулся с сильным отрядом за Лабу, куда пригласил к себе князя Джанболата и заключил с ним следующее условие – князь Джанболат поселит всех своих подвластных темиргоевцев на прежних их местах жительства, между реками Лабой и Кубанью, он будет исполнять относительно спокойствия края все приказания начальства, нарушителей порядка будет представлять к начальнику для поступления с ним по всей справедливости законов.

Русское же начальство, не назначая над ними своих приставов, предоставляет им право жить и управляться по своим обычаям и не позволит казакам стеснять их или пользоваться принадлежащей темиргоевцам землей.

¹ По мнению Кундухова, генерала «Засса...закубанские племена называли длинноусым гяуром» (Кундухов, 2013, стр. 90)

Когда условия были заключены, князь собрался поехать к своим, чтобы подготовить их к переселению. Прощаясь с генералом Вельяминовым, который поздравлял его и сулил ему блестящую будущность, Джанболат обратился к нему со следующими словами: «Генерал, я принес покорность единственно для того, чтобы избавить моих темиргоевцев от разорительной войны, лишившей их всех средств к существованию.

Но откровенно вам скажу, что, несмотря на то, что я от всего сердца моего поверил тому, что вы поможете мне устроить их расстроенное хозяйство, не знаю почему, но пугает меня непонятное предчувствие».

Вельяминов и Засс повторили ему свои обещания.

Таким образом, темиргоевцы, поселившиеся на своей родине, начали усердно и спокойно заниматься устройством своего хозяйства под управлением многолюбимого ими князя Джанболата, от которого Засс, спустя год после его перехода, начал требовать рабского повиновения.

На это гордая душа Джанболата не могла согласиться.

Только потому он сделался нестерпимым подло-коварному Зассу, начавшему по обыкновению своему искать случая отравить или тайком из-за куста убить Айтекова, отвергавшего его нечестные предложения, касавшиеся других покорных и непокорных горцев.

Когда же для своих грязных целей он не нашел подобного себе злодея, то пригласил князя к себе в крепость Прочный Окоп на чай и, будучи с ним очень любезен, задержал его там до 11 часов вечера.

В это время ударили тревогу: будто бы сильная партия непокорных черкесов выше крепости переправилась через Кубань. Засс приказал свите князя, в числе пятнадцати человек, поскакать с казаками отыскивать небывалую партию, а ему на их место любезно дал казачий конвой и предложил отправиться в армянский аул (в трех верстах расстояния от крепости), где он постоянно останавливался.

Князь Айтеков принял предложение вероломного злодея с благодарностью и с одним узденем своим, с казаками, ничего не подозревая, поехал на сделанную ему засаду и на первой же версте ружейным залпом был убит наповал.

Чем любимец народа оставил Зассу в устах всех кавказских горцев вечное проклятие, а правительству клеймо стыда и позора за то, что оно поощряло подобных Зассу людей и вместо того, чтобы сослать его в каторжные работы, куда иногда отправляют невинных, честных людей, оставило его на своем месте.

Хотя правительство не краснело иметь Засса начальником края, но все честные русские офицеры, гнушаясь служить под его начальством, уходили из вверенной ему Кубанской Линии.

Кабардинский князь Джанбот Атажукин, потеряв всякое терпение испытывать оскорбительное обращение с ним ближайшего начальства, оставил родину свою и перешел к непокорным закубанцам, где он, хорошо ознакомившись с краем, начал с сильными партиями делать набеги на Кубанскую и Лабинскую Линии.

По мере его успешных нападений живо росли к нему уважение и любовь всех закубанских племен.

Между тем не менее того росли к нему гнев и злость генерала Засса, часто получавшего замечания от командовавшего войсками Кавказской области генерала Вельяминова за безнаказанные набеги Атажукина до самого города Ставрополя.

Засс, никогда не гнушавшийся самых низких мер, по своему обыкновению начал тщательно искать случая, чтобы подстрелить из-за угла, как князя Айтекова, или ядом отравить Атажукина.

Трое из закубанских ногойцев, жители аула князя Адиль-Гирея Капланова, давно желали избавиться от русского подданства, но будучи очень зажиточными людьми, не могли со своими табунами лошадей и стадами овец подняться и незаметно, без вреда, успеть переправиться через кордонную линию.

Поэтому они, зная гнусное намерение Засса, ловко к нему обратились с предложением исполнить его желание – тайком подстрелить князя Атажукина. Засс, в прежде бывших делах и поручениях испытывавший их храбрость и энергию, с восторгом обещал им по 250 рублей серебром единовременно и офицерские чины с жалованьем.

Хитрые ногойцы, поблагодаривши его за большую к ним милость, легко убедили его, что для верного успеха и во избежание всякого подозрения как со стороны Атажукина, так равно и его народа, им следует, забравши все свое имущество, на время переселиться к непокорным ногойцам, к князю Аллакаю Мансурову, где они очень легко могут сблизиться с князем Атажукиным, предложивши ему свои услуги в качестве проводников по всей Кубанской Линии.

Засс до того был обрадован мнимой готовностью этих ногойцев на злодеяние, что уже считал Атажукина трупом и потребовал от них не позже десяти дней совершить их переезд за Лабу.

Таким образом, ногойцы эти, одурачивши низкого Засса, как нельзя лучше добились исполнения своего заветного желания (впоследствии один из них, по имени Топал-Тимур, т.е. Хромой Тимур разбоями своими наводил страх на казачьи станицы).

Ногойцы эти, водворившись в ауле Мансурова, отправились к князю Атажукину и рассказали ему подробно все вышеописанное.

Топал Тимур предложил ему при этом воспользоваться случаем и употребить зассовское поручение против самого Засса: то есть заманить его в засаду и отомстить за покойного князя Джанболата Айтекова.

На это вот что ответил благородный Атажукин:

– Топал-Тимур! Я, слава Богу, мусульманин и порядочный человек, а длинноусый генерал – гяур и бесчестный человек. Положим, что тебе удастся заманить его и дать мне случай отомстить за покойного князя Айтекова.

Но, согласись, что князь от этого не воскреснет, а на место Засса пришлют другого Засса, а мне же никто не сможет вернуть потерянную мою честь» (Кундухов, 2013, стр.69-72).

Наш комментарий к «версии №2» – князь Болотоков стал «мирным» без личного участия Вельяминова и Засса, спутана дата событий, никакого армянского аула в 1836 году возле Прочного Окопа еще не было.

Версия №3. Еще одно свидетельство о смерти темиргоевского князя мы находим в романе Екатерины Лачиновой «Проделки на Кавказе», который она издала в Санкт-Петербурге в 1844 году под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов.

В главе «Сновидение черкеса» один из главных героев – офицер российской службы кабардинец Пшемаф – «попал на седьмое небо...и предстал пред...родового своего князя Жам-Бот Айтекова, который среди вечных благ и радостей сиял, как сияет невинная жертва коварства людей».

«Его окружали гурии...Все замолкло. Начался суд. Пред лицом Пророка предстал высокий смертный. Это был пришелец от стран Запада, беловолосый, с длинными рыжими усами (Г. Х. Засс – К.С.)...

Пророк грозно вопрошал смертного, указуя на Жам-Бота – узнает ли он одну из многочисленных жертв, погибших от его злодеяний?

«Не ты ли, о смертный! – говорил Магомет, – старался утопить Жам-Бота среди кармаков¹ и, не успев в этом, обласкал его, принял гостеприимно в своем доме, а сам, коварный, подослал подкупленных убийц стеречь в кустах выезжавшую жертву и умертвил его?».

Иноземец смутился, но скоро стал оправдываться, говоря, что Жам-Бот возмущал народ, грозил восстанием.

Пророк гневно отвечал: «Неправда! Жам-Бот был добродетельный муж, любимый и уважаемый единоземцами; доказательством тому служат потоки слез, пролитые народом по его смерти. Ты, смертный, злодейски купил кровь его! Ты завидовал богатству Жам-Бота, которое теперь тобой расхищено!

¹ Кармак – рыболовная снасть, перекинутые через реку на веревке большие крючья без наживки, на «красную рыбу», т.е. осетровых пород.

Ты решился быть его убийцей, потому что опасался этого праведного мужа, который мог обличить тебя пред людьми во многих злодеяниях, в жадности и других пороках!» (Хамар-Дабанов, 1986, стр.102-104).

В другой главе автор указала на заказчика убийства Джамбулата – это был его наследник и младший брат, поручик российской службы Шеретлук Болотоков – «продавец Джам-Ботовой крови», «злодей, честолюбец и вероломец, который опозорил себя разными делами» и, самое страшное в глазах мусульман, он «ел у русских свинину и запивал ее вином» (Хамар-Дабанов, 1986, стр. 186,209, 245).

Наш комментарий к «версии №3» – впечатляет одна из мелких деталей, указанных Лачиновой – князя хотели утопить «среди кармаков». Скорее всего, такую подробность Лачинова сама придумать не могла...

Но, при всем уважении к произведению Лачиновой, это все-таки художественное произведение, хотя, в свое время, в беседе с военным министром, князем А. И. Чернышевым, император Николай I указал ему: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!», а сам военный министр, обратив внимание начальника штаба Отдельного корпуса жандармов Л. В. Дубельта на «Проделки на Кавказе», заметил, что «книга эта тем вреднее, что в ней что строка, то правда!» (Хамар-Дабанов, 1986, стр.5).

Но так ли было на самом деле? Шеретлук Болотоков действительно имел такую «темную душу», что убил своего старшего брата?

Довольно любопытный сюжет из взаимоотношений генерала Засса и Шеретлука Болотокова привел в своих «Заметках старого кавказца...» Георгий Атарщиков.

Однажды Засс, с помощью несложного фокуса, убедил горцев, что может делать из пороха золотые червонцы. Этим «колдовским, нечистым золотом» он вознаграждал за услугу лазутчика по имени Момтали.

Вскоре молва об этом разнеслась в горах. «Горцы спешили рассказать друг другу, что шайтан Засс из пороха делает золото. Когда узнал о таком чуде темиргоевский князь Шеретлук, он потребовал к себе Момтали и, выслушав его рассказ, посмотрел червонцы.

Убедясь, что они из настоящего золота, нимало не медля он приехал к генералу Зассу и с первых же слов объявил зачем приехал: «Я видел сделанное тобою из пороха золото: умоляю тебя, научи меня этому искусству; я не боюсь чертей; за открытие секрета возьми жен, детей и все мое состояние, только, ради Аллаха, не откажи».

Барон Засс уверил Шеретлука, что может превращать порох в золотые монеты в известное время года при известной планете, а это время и планета прошли уже. Шеретлук не забыл сказанного и, спустя ровно год

от дня, в который получил червонцы, Момтали приехал опять с тою же просьбой, но и на этот раз Засс отговорился разными загадочными предложениями» (Атарщиков, 1870, стр. 319-320).

Один словом, князь Шеретлук Болотоков был мужем, который за колдовское золото был готов отдать «колдуну Зассу» и своих жен, и детей...

Версия №4 изложена в записке российского «посла и полномочного министра при Порте», тайного советника Аполлинария Петровича Бутенева.

В Стамбуле Бутенев встречался с «горцем из черкесского племени по имени Андрей Гей». Он сообщил Бутеневу, что «известный своей храбростью в Черкесии Айтек-оглу Джембулат, родственник князя Сефербея, убит из ружья одним дагестанским узденем за то, что не соглашался идти на шариат (судебную сходку) по требованию Султана Азамат-Гирея и зятя его Келимиш-оглу Али-бея» (АКАК, 1881, стр. 768).

Через два года после смерти князя, его родственник – упомянутый в «версии №4» генерал-майор Султан Азамат-Гирей, подозреваемый закубанцами в причастности к смерти Болотокова, попросил императора Николая I начать расследование этого дела.

По этому поводу возникла следующая переписка:

«5 июня 1838 г.

Секретно.

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву.

Командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Головина 1-го.

Рапорт.

Состоящий по кавалерии генерал-майор Султан Азамат-Гирей, командовавший лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадром, при рапорте от 3-го сего мая, № 114, представил на Высочайшее имя прошение, в котором объясняет, что горцы, обвиняя командующего Кубанской Линией генерал-майора Засса в распоряжении к убийству Кемиргойского князя Джембулата Ойтекова, подозревают, что он, Султан Азамат-Гирей, был исполнителем этого злодеяния, и потому просит - о производстве следствия к оправданию себя.

Прошение генерал-майора Султана Азамат-Гирея, представляя при сем, честь имею присовокупить, что, предполагая быть нынешнего лета, как известно Вашему Сиятельству, на Кавказской Линии и на Кубани, я постараюсь, с своей стороны, открыть истину означенного дела и успокоить Султана Азамат-Гирея.

Генерал-майор Головин. 19 мая 1838 года. Тифлис» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л. 1).

К рапорту, на гербовом «бланке ценой 1 рубль», было приложено следующее прошение Султан Азамат-Гирея:

**«ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЕЙШИЙ
ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ И ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ,
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ!**

Просит состоящий по кавалерии

При Отдельном Кавказском корпусе
генерал-майор Султан Азамат-Гирей

о нижеследующем.

ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА приказом, будучи назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе, я возвратился на Кавказ в 1833 году и застал родственника моего Кемергоевского князя Джамболета Айтекова, находившегося между враждующими горцами, над которыми он имел значительное влияние, в 1833 году уже предавшимся России бывшему Главнокомандующему Кавказским Отдельным корпусом господину генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому – он явился с покорностью и предался России.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский **ВЫСОЧАЙШИМ** именем **ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА** простил ему все его проступки в продолжительное время его действия против нашей границы и, обратив на него, как на лицо первенствующее в горах, признал и утвердил владельцем Кемергойского племени, с которого времени он Джамболет Айтеков остался верным России, но оставался на прежних местах своего жительства.

По возвращении же моем, я убедил его по желанию начальства переселиться к границе нашей, уверив его в том, что хотя генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский отбыл, но данные им письменные обещания не могут быть нарушаемы местным пограничным начальником генерал-майором Зассом, к которому он не имел по каким-то обстоятельствам доверенности.

При переселении своем к границе он оставил свое имущество на то время, пока на новом месте спокойно не водворится, у воспитателя своего, который по обычаям горцев весьма близок был ему, абадзехского дворянина Берзека, каковое обстоятельство было известно ближайшему начальству, но вскорости, лишь только Джамболет переселился к границе, отряд наших войск под начальством генерал-майора Засса напал на

упомянутого Берзека, разорил его аул, причем и взято все оставленное имущество Джамболета, в числе добыч, что было поводом явным неудовольствиям, возникшим между князем Айтековым и генерал-майором Зассом (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.2).

Вследствие чего я получил письмо от генерал-майора Засса, в котором просил меня убедительно, чтобы я непременно приехал к нему в Прочный Окоп и был посредником между ним и князем Айтековым; каковую его просьбу я долгом почел исполнить, почему и отправился к нему в Прочный Окоп.

По прибытии моем господин генерал-майор Засс сказал мне, что, так как он предположил быть в этот день на охоте, то он уведомил о моем приезде князя Джамболета, который ожидал меня за Кубанью, и просил меня, чтобы когда приедет он из Закубани попросить его отправиться обратно за Кубань на ночлег и на другой день пригласить на свидание и переговоры чрез посредничество мое.

По получении извещения о моем приезде немедленно приехал ко мне князь Айтеков, который, посидев у меня несколько времени, отправился обратно на ночлег за Кубань в аул, находящийся неподалеку от крепости Прочного Окопа, с тем, чтобы на другой день приехать для свидания с генерал-майором Зассом при мне и, не доезжая реки Кубани на нашей стороне, около крепости Прочного Окопа был убит из лесу, чрез который он должен был проезжать, одним выстрелом из ружья, заряженным двумя пулями.

Сие происшествие взволновало умы горцев и распространились между ними разные толки и слухи.

Между прочим, утверждают, что князь Джамболет Айтеков был убит по распоряжению генерал-майора Засса и что я был подлым орудием исполнения оногo.

С самых лет до сего происшествия, я пользовался между горскими племенами уважением и в продолжение 26-ти лет в звании русского офицера не одним поступком доселе я не запятнал честное имя и с усердием старался по мере (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.3) моих сил исполнять по службе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА поручения, которыми удостаивало меня начальство, и врагов России, хотя бы они были со мною в родстве, почитал и моими врагами, и потому если бы князь Джамболет Айтеков не был предан России, чему лучшим доказательством было переселение его под рукою нашей Линии и родственная наша связь не могла бы меня заставить быть с ним в близких сношениях, но он со дня изъявления им покорность свою господину генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-

Эриванскому со дня удостоения Его Сиятельство милостивого внимания он не изменял никакими действиями и был до конца верен своей присяге.

Оскорбление, нанесенное мне распространившимся между горцами сказанным слухом и, не будучи в состоянии по совести моей убедить себя, судя по всем вышеизложенным обстоятельствам, в том, что я тут не был употреблен гнусным, но слепым орудием, угнетает старость мою и потому повергая сие обстоятельство на ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО возрание всеподданнейше прибегаю к источнику правосудия и милосердия к престолу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА со всеподданнейшею просьбою ВЫСОЧАЙШЕ повелеть произвести строжайшее следствие на месте (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.3об.) объясненного происшествия возложив на особу, удостоенную ВЫСОЧАЙШЕЙ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА доверенности и открыв истину возратить мне спокойствие, которое потерял вместе с лишением уважения моих соотечественников и честное имя русского офицера, ибо будучи выставлен подлым орудием столь гнусного убийства могу ли я остаток моей жизни считать иначе как тягостным бременем.

Не имея здесь распространяться о подробностях сего происшествия и слухах об оном, и оставляя их до производства следствия, я обязанностью считаю Всеподданнейше присовокупить: что сие происшествие имеет вредное влияние на доверенность к русскому начальству закубанских горцев между которыми нет ни одного человека, пользующегося уважением в своем кругу, который хотя и не сомневаются, что племянник убитого князя Айтекова был причастником его смерти – не был уверен в том, что сие убийство совершено по распоряжению местного нашего пограничного начальника, который не употребил доселе никаких основательных мер, дабы доказать им противное, несмотря на то, что из разных племен закубанских горцев более преимущественно влиятельные князья и дворяне собравшись приезжали в Прочный Окоп, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.4) требуя объяснений, каким образом могло случиться подобное несправедливое убийство столь значительнейшего между закубанцами князя.

Генерал-майор Султан Азамат Гирей.

Мая 3 дня 1838 года.

Город Ставрополь» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.4об.).

Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин отозвался на это прошение докладной запиской к «Его Сиятельству Графу А. И. Чернышеву»:

«Милостивый государь

Граф Александр Иванович.

...Вместе с тем, Ваше Сиятельство, при секретном рапорте моем, № 110, изволите получить прошение на высочайшее имя генерал-майора Султана Азамат-Гирея, командовавшего Лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадроном.

Он просит, о производстве следствия, для оправдания себя пред соотечественниками своими подозревающими, что он, по распоряжению генерал-майора Засса, убил родственника своего Кемиргойского князя Джембулата Ойтекова.

По делу этому, кроме донесения генерал-майора Засса, что князь Джембулат Ойтеков неизвестно кем убит, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л. 5об.) никакой переписки в штабе моем не имеется; из-под руки же я узнал следующее:

Князь Джембулат Ойтеков, до 1830 года, предводя сильной партией враждебных нам горцев, делал набеги на Кавказскую Линию, разорял, грабил наши станицы.

В 1830 году, Главнокомандующий корпусом генерал-фельдмаршал князь Варшавский во время экспедиции совершенной под личным предводительством Его Светлости за Кубань, признав полезным склонить на нашу сторону Джембулата, изволил вызвать его к себе и, в последствии данных им обещаний в покорности нам, утвердил его Владетелем Кемиргойского народа, населяющего пространство между (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.6) Кубанью и Белой речкой.

С тех пор Джембулат прекратил свои набеги, но не переставал питать самой неукротимой ненависти к нам, действуя тайно противу нас.

Живя в весьма неприступных местах на Белой речке, в кругу враждебных нам горцев, он имел всегда дружбу с известнейшими разбойниками закубанскими, предводителями партий и сборищ; наклонял горцев к вражде противу нас, имея на них большое влияние по знатности происхождения, уму, храбрости и фанатической ненависти к нам; был в переписке с находящимся в Турции близким родственником своим известным Сафар-Беем, поддерживая (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.6 об.) в горах убеждение в покровительстве турецкого правительства; сверх сего, он имел у себя пленных наших, вопреки условий мирного горца, и жил в самой тесной дружбе с беглым урядником Кавказского линейного казачьего войска, известным разбойником Брагуновым, которого никогда не хотел выдать нам.

Генерал Засс, видя столь неблагонамеренные действия Джембулата, требовал, чтобы он выселился из неприступных мест на равнину, если он предан нам.

Князь Джембулат Ойтеков решительно не желая исполнить этого, намерился бежать в горы, и для этого отправил в аул враждебного нам

абадзеха Берзеча все свое имущество, все богатство, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.7) награбленное в наших границах, и ценные вещи, полученные им из Турции и в том числе богатый мундир турецких регулярных войск, присланный ему, как утверждали горцы, от султана.

Генерал Засс, узнав это и предвидя, что побег Джембулата в горы, может иметь вредные последствия, по известной его предприимчивости и вражде к нам, решился лишить его этой возможности, разорил аул Берзеча; между тем князь Джембулат Ойтеков неизвестно кем убит.

Происшествие это случилось в начале октября 1836 года, и оставалось без всяких последствий. На место Джембулата вступил во владение (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.7об.) Кемиргойским народом младший брат его поручик князь Шеретлук, благонамеренный и преданный нашему правительству.

Предполагая быть этого лета на Кавказской Линии и на Кубани я постараюсь открыть истину, употреблю все старание чтобы успокоить Султана Азамат-Гирея, и сделаю все то, что, по соображении на месте, признаю необходимым и полезным, о чем буду иметь честь своевременно донести Вашему Сиятельству.

Предавая все это на благоусмотрение Вашего Сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства

Покорнейшим Слугою

Евгений Головин.

19 мая 1838.

Тифлис» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.8).

Граф А. И. Чернышев 6 июня 1838 года ответил ему так:

«Секретно.

Милостивый государь,

Евгений Александрович.

По докладу Государю Императору письма Вашего Превосходительства о предполагаемой Вами необходимости объявлять по вверенному Вам корпусу известия о военных происшествиях на Кавказе и рапорта Вашего Превосходительства с приложенным к оному прошением генерал-майора Султана Азамат-Гирея о производстве следствия по случаю убийства князя Джембулата Ойтекова, Его Величество соизволил отозваться, что не желал бы заводить опубликование особенных сведений о военных происшествиях на Кавказе, ибо подобными разглашениями могут воспользоваться иностранцы и употребят их во зло; если же Ваше Превосходительство сочтете совершенно необходимым включать об оных весьма краткие, без всяких подробностей, в корпусные приказы (РГВИА.

Ф. 482. Д. 62. Л.10) известия, то сие допустить, но не иначе как с строгим запрещением печатать их в каких бы то было ведомостях.

Что же касается до просьбы генерал-майора Султана Азамат-Гирея, то Его Величество совершенно одобряет предположение Вашего Превосходительства по сему обстоятельству и Высочайше соизволяет на приведение их в исполнение в свое время с тем, чтобы сего благонамеренного человека успокоить вполне.

Сообщая Вам милостивый государь таковую высочайшую волю к надлежащему исполнению, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга Граф А. Чернышев.

Верно: Секретарь (подпись неразборчива).

Петергоф» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.10об.).

Таким образом, переписка закончилась ничем, расследование убийства князя было «замято», дальше обмена этими письмами дело не пошло, Султана Азамат-Гирея «успокоили на словах».

Нам остается лишь возможность ответить на следующий вопрос: «Каким образом сложилась судьба темиргоевцев дальше, без князя Джамбулата?»

Как мы уже знаем, во владение племенем вступил Шеретлук Болотоков.

О том, в каких отношениях он был с русскими, написал Ф. Ф. Торнау.

В 1838 году он, во время очередной попытки сбежать из черкесского плена, все свои надежды на освобождение связывал с «кемюргоевским князем, Шерлетуком»:

«...Я написал Шерлетуку разведенным порохом на листке, вырванном из Корана, в каком положении я нахожусь, и просил его немедленно принять все меры к моему освобождению, поручившись подателю письма в трех тысячах целковых, если он меня проводит в Кемюргой.

На Шерлетука, находившегося в нашей полной зависимости, можно было совершенно надеяться, и я не имел сомнения в том, что он не упустит случая оказать правительству услугу, которой я от него требовал.

В тот же вечер...хозяин поскакал в Кемюргой, обещая вернуться с ответом не позже суток. Можно себе вообразить, как крепко я спал обе ночи и в каких приятных мечтах провел целый день, ожидая ежеминутно увидеть перед собою если не самого Шерлетука, то, по крайней мере, десяток кемюргоевских узденей, присланных проводить меня на Кубань.

Дело было сбыточное, потому что от аула, в котором я находился, до Сагуаши (реки Белой – К.С.) не могло быть более пятнадцати верст, а за Сагуашей начиналась Кемюргоевская земля».

Но Торнау не повезло – абадзех, испугавшись мести, не отвез письма темиргоевскому князю и наш «кавказский пленник» снова попал к тем, от кого он недавно сбежал.

А вот напарник Торнау по побегу, донской казак, смог спастись. «В шесть дней он дошел до Сагуаши. Поймав карчу, разделся, привязал на нее платье, сам сел верхом и стал переправляться. Посредине реки из-под него унесло дерево с платьем. Он выплыл на другой берег и совершенно нагой путешествовал трое суток по Закубанской равнине.

Кемюргоевские пастухи, встретившие его в этом виде, бежали сперва, но потом, убедившись, что они имеют перед собою человека, а не шайтана, прикрыли его кое-чем, накормили и привели на Кубань» (Торнау, 2008, стр. 393-395).

Подведем итоги:

Целый ряд авторов – и современники, и историки (Ф. Щербина, М. Кундухов, Е. Лачинова и др.) возлагают вину за смерть Болотокова на генерал-майора Г. Х. Засса.

Возможная причина конфликта между генералом и темиргоевским князем – территориально-земельный спор из-за переноса кордонной Линии с Кубани на Лабу, что не могло не повлечь обязательного, в силу этого, столкновения с темиргоевцами.

К слову так оно и вышло – когда в 1840 году Лабинская Линия была возведена, «мирные» темиргоевцы, вместе с другими племенами, ушли с закубанской равнины в горы.

Их увел Ташав Хаджи-Дунакай – аталык князя Шеретлука Болотокова, который незадолго до этого, «на народном собрании у Меакопы, возбудил черкес к единодушному восстанию и действию против нас».

Г. Х. Засс, пытаясь их вернуть, перешел Лабу и, в двух верстах от устья впадающей в нее реки Фарс, «выдержал кровопролитное дело» с объединенным 10-тысячным ополчением из племен абадзехов, шапсугов и убыхов. В шестичасовой битве на реке Фарс (по-черкесски место битвы называлось «урочище Топыл», а сама битва «Фэрзэпэзау») адыги потерпели поражение, но и войска под командованием Г.Х. Засса, потеряв 126 человек убитыми и ранеными, не смогли вернуть «мирных черкесов» назад (Ракович, 1900, стр. 281-282). На долгое время они стали «немирными» вместе с «преданным правительству» князем Шеретлуком...

Как мог отреагировать сам Григорий Христофорович Засс на предъявление ему обвинений в убийстве старого темиргоевского князя?

«Случилось, что один из уполномоченных от черкесов, возвратившись из Прочного Окопа, главной квартиры Засса, умер скоропостижно, и враги распустили слух, что он был отравлен по приказанию Засса; слух о таком злодействе пробежал по аулам.

Засс приказал объявить начальнику главного аула, что в назначенный день отправит к ним депутата от себя для объяснения этого дела. Черкесы собрались во множестве и были удивлены, когда в лице депутата узнали самого генерала Засса в сопровождении одного только переводчика!

Личное его появление без телохранителей, краткое объяснение дела уничтожили всякое подозрение и еще более увеличили страх и уважение горцев к герою» (Розен, 1984, стр.373).

«Многие влиятельные закубанцы» главным заказчиком смерти Джамбулата считали Шеретлука Болотокова, которому Г. Х. Засс мог помочь «убрать» старого князя в обмен на его лояльность (хотя лично автор так не считает).

Действительно Г. Х. Засс, «усмиряя Закубанье и силой, и хитростью», действовал «то картечью, то тайной пулей» (Бестужев-Марлинский, 2010, стр. 174). Один из таких случаев упомянул Ф. Ф. Торнау, описывая судьбу «мирных» ногайских князей братьев Карамурзиных.

Против своей воли, из-за интриг «казачьего майора, управлявшего Невинномысской станицей», который «оскорблял и притеснял Карамурзиных, всеми способами выжимая из них подачи», они бросили свой аул, ушли в горы и «сделались абреками».

«Скоро имя Карамурзиных разнеслось по всей Линии и сделалось известным у неприятельских горцев. Мало абреков могли равняться с ними в предприимчивости, смелости и счастье, сопровождавших их вторжения.

Для казаков они были неуловимы и приводили в отчаяние всех кордонных начальников. В делах, которые русские войска имели с горцами за Кубанью, они дрались впереди всех, и не раз ставили наших в весьма затруднительное положение.

Генерал Засс преследовал их сперва открытой силой, в надежде, что пуля или картечь избавят его, наконец, от этих опасных врагов, но успел только вползину. Осенью 1834 года старший Карамурзин был убит в деле под Шегиреем, предводительствуя черкесской конницей, имевшей дерзость броситься в шашки на русскую пехоту.

Смерть его увеличила только злобу остальных братьев, умноживших свои нападения на нашу границу, которую тревожил более всего младший из них, Мамакай, преследуемый, поэтому генералом Зассом с особенной настойчивостью.

Несколько месяцев спустя Карамурзины ночевали со своими товарищами в лесу на Лабе, готовясь сделать набег на Линию. Ружейный выстрел разбудил неожиданно спящих.

Мамакай нашли плавающим в крови, и когда опомнились от первого испуга, то заметили, что недостает одного человека в партии. Нетрудно, казалось, угадать, кем была направлена эта пуля.

Умиравший Мамакай клятвенно обязал своих братьев, вместо бесплодного мщения, покориться русским. «Бог отдал нас в их руки, сказал он братьям, – старшего Кара-мирзу убили пулей свинцовой, меня золотой, кончится тем, что перебьют и вас; ступайте к ним просить мира, для того чтобы не пропал с лица земли наш древний род...Шесть недель после этого происшествия Тембулат и Бий Карамурзины, покорные воле умершего брата, вступили в переговоры с генералом Зассом...» (Торнау, 2008, стр. 277-278).

Князь Джамбулат Болотоков был «неудобен», в первую очередь, своему брату. Помогал ему или нет Г. Х. Засс? Этот вопрос до сих пор остается открытым.

Засса могли нарочно «подставить», заранее подгадав и время, и место, для чего князь Болотоков был специально убит возле его резиденции – крепости Прочный Окоп. В конце концов, «любой хищник не охотится возле своего логова, чтобы не привлечь к нему внимание охотников»...

Но, вероятно, Джамбулат был «неудобен» и сторонникам «гъэзэотэ зау» – «газаватской войны» с русскими гяурами «за веру и землю».

Старый князь имел заслуженную репутацию опытного воина, убил и увел в плен в своих набегах на Линию не одну сотню русских, но в 1831 году стал «мирным» и оставался верен своей присяге до конца.

Такой человек никак не вписывался в их «картину мира», им был не нужен такой «антигерой черкесского газавата»...

Библиографический список

1. РГВИА. Ф. 482. Д. 62. «Переписка Департамента Генерального штаба со штабом Отдельного Кавказского корпуса по ходатайству Султана Азамат-Гирея. О расследовании обстоятельств смерти его родственника Кермчойского князя Джамбулата Ойтекова. 1838 г., июня 5 - июня 6».
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) (1878) (Т.VII); (1881) (Т.VIII). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского.

3. Аракелов, Р. К. (2004) *Очерки топонимии Армавира и его окрестностей: монография*. Под редакцией Ктиторова С.Н. Армавир: АГПУ.
4. Атарщиков, Г. А. (1870) *Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса (Сырой материал для истории покорения Кавказа)* // Военный сборник: Издаваемый по Высочайшему повелению (Т. 74, № 8). С.-Петербург: Печатано в типографии Департамента уделов.
5. Бестужев-Марлинский, А. А. (2010) *Письма к Н. А. и К. А. Полевым*. Москва: Директ-Медиа.
6. Волкова, Н.Г. (1989) *Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX-начало XX в.)* // Кавказский этнографический сборник (Т.IX). Москва: Наука.
7. Казиев, Ш.М., Карпеев, И.В. (2003) *Повседневная жизнь горцев Кавказа в XIX веке*. Москва: Молодая гвардия.
8. Кундухов, М. (2013) *Мемуары*. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева.
9. Новицкий, Г. В. (1878) *Биографический очерк. 1800-1877* // Русская старина. Ежемесячное историческое издание (№6). С.-Петербург: Тип. В. С. Балашева.
10. Потто, В.А. (1994) *Кавказская война. Время Паскевича, или Бунт Чечни (Т.5)*. Ставрополь: Кавказский край.
11. Ракович, Д. В. (1900) *Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846*. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.
12. Розен, А.Е. (1984) *Записки декабриста*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.
13. Скиба, К. В. (2011) *«Знакомство с русскими» князя Джембулата Болотокова* // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы III региональной научно-практической конференции. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ.
14. Сталь, К.Ф. (1900) *Этнографический очерк черкесского народа* // Кавказский сборник (Т.21). Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа.
15. Торнау, Ф. Ф. (2008) *Воспоминания кавказского офицера*. Москва: АИРО-XXI.
16. Хамар-Дабанов, Е. (1986) *Проделки на Кавказе*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство.

17. Хан-Гирей (1978). *Заметки о Черкесии*. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус.
18. Хан-Гирей (1989) *Черкесские предания. Избранные произведения*. Нальчик: Эльбрус.
19. Щербина, Ф. А. (2010) *История Армавира и черкесогоаев*. Краснодар: Традиция.
20. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках)* (1968) // Часть 2. Надписи XVIII-XX веков. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. Москва: Наука.

THE DEATH OF THE «MAJOR DUKE OF TEMIRGOYS» DZHAMBULAT DOLOTOKOV NEAR FORTRESS PROCHNYI OKOP IN OCTOBER OF 1836.

Skiba K.V.

Skiba Konstantin Viktorovich, 352900, Armavir-city
e-mail: kv-220-85@mail.ru

In this article the attempt is undertaken to investigate the circumstances of the death of the Temirgoy's Duke Dzhambulat Bolotokov, who governed the «principality of Temirgoy» in 1830-1836 and died in October, 1836 near fortress Prochnyi Okop, one of the strongholds of the Kuban cordon line.

The status of the principality family of the Bolotokovs among western circassians is designated, the private position of the Duke Dzhambulat - who was master of the incursion war, the most famous and powerful circassian Duke of the 1820's - is referred.

The voice is given to a reason why this bright historical personality of the Caucasus war of the XIX century is advocated in the modern circassian information field so weakly.

Finally all arguments «pro» and «contra» some versions of the killing of Duke are considered: by general Zass, by his relative Sheretluk Bolotokov or by «the supporter of the sacred jihad».

Keywords: the North-Western Caucasus, the Caucasus war, the Kuban cordon line, «aristocratic» circassian tribes, the Temirgoys, Duke Dzhambulat Bolotokov, the linear Cossacks, general G.H. Zass.

References

1. *RGVIA. F. 482. D. 62. «Perepiska Departamenta General'nogo shtaba so shtabom Otdel'nogo Kavkazskogo korpusa po hodatajstvu Sultana Azamat-Gireja. O rassledovanii obstojatel'stv smerti ego rodstvennika Kermchojskogo knjazja Dzhambulata Ojtekova. 1838 g., ijunja 5 - ijunja 6».*

2. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (AKAK) (1878) (T.VII); (1881) (T.VIII)*. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravlenija Namestnika Kavkazskogo.
3. Arakelov, R. K. (2004) *Očerki toponimii Armavira i ego okrestnostej: monografija*. Pod redakciej Ktitorova S.N. Armavir: AGPU.
4. Atarshhikov, G. A. (1870) *Zametki starogo kavkazca o voennoj i administrativnoj dejatel'nosti na Kavkaze general-lejtenanta barona Grigorija Hristoforovicha Zassa (Syroj material dlja istorii pokorenija Kavkaza) // Voennyj sbornik: Izdavaemyj po Vysochajshemu poveleniju (T. 74, № 8)*. S.-Peterburg: Pечатано в типографии Департамента уделов.
5. Bestuzhev-Marlinskij, A. A. (2010) *Pis'ma k N. A. i K. A. Polevym*. Moskva: Direkt-Media.
6. Volkova, N.G. (1989) *Jetnokul'turnye kontakty narodov gornogo Kavkaza v obshhestvennom bytu (XIX-nachalo XX v.) // Kavkazskij jetnograficheskij sbornik (T.IX)*. Moskva: Nauka.
7. Kaziev, Sh.M., Karpeev, I.V. (2003) *Povsednevnaja zhizn' gorcev Kavkaza v XIX veke*. Moskva: Molodaja gvardija.
8. Kunduhov, M. (2013) *Memuary*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatje im. V. Gassieva.
9. Novickij, G. V. (1878) *Biograficheskij ocherk. 1800-1877 // Russkaja starina. Ezhemesjachnoe istoricheskoe izdanie (№6)*. S.-Peterburg: Tip. V. S. Balasheva.
10. Potto, V.A. (1994) *Kavkazskaja vojna. Vremja Paskevicha, ili Bunt Chechni (T.5)*. Stavropol': Kavkazskij kraj.
11. Rakovich, D. V. (1900) *Tenginskij polk na Kavkaze. 1819-1846*. Tiflis: Tip. Kanceljarii Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoj chast'ju na Kavkaze.
12. Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrysta*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Skiba, K. V. (2011) *«Znakomstvo s russkimi» knjazja Dzhembulata Bolotokova. Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Severnogo Kavkaza. Materialy III regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii*. Pjatigorsk: Izd-vo PGLU.
14. Stal', K.F. (1900) *Jetnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda // Kavkazskij sbornik (T.21)*. Tiflis: Tipografija Okružnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.
15. Tornau, F. F. (2008) *Vospominanija kavkazskogo oficera*. Moskva: AIRO-XXI.
16. Hamar-Dabanov, E. (1986) *Prodelki na Kavkaze*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Han-Girej (1978). *Zapiski o Cherkesii. Vstupitel'naja stat'ja i podgotovka teksta k pečati V. K. Gardanova i G. H. Mambetova*. Nal'chik: Jel'brus.
18. Han-Girej (1989) *Cherkesskie predanija. Izbrannye proizvedenija*. Nal'chik: Jel'brus.
19. Shherbina, F. A. (2010) *Istorija Armavira i cherkesogaev*. Krasnodar: Tradicija.
20. *Jepigrafičeskie pamjatniki Severnogo Kavkaza (na arabskom, persidskom i tureckom jazykah)* (1968) // Chast' 2. Nadpisi XVIII-XX vekov. Izdanie tekstov, perevody, kommentarii, stat'ja i prilozhenija L. I. Lavrova. Moskva: Nauka.